

ПИСЬМА О ГЕРЦЕНЕ В БУМАГАХ М. К. РЕЙХЕЛЬ

ИЗ ПИСЕМ Л. И. ГААГ

Публикация Н. Д. Эфрос

Среди бумаг Марии Каспаровны Рейхель в «пражской коллекции» (оп. 1, ед. хр. 267) сохранились 38 писем к ней матери Герцена, Луизы Ивановны Гааг*. Несмотря на всю неприятельность этих писем, основное содержание которых составляют события семейного характера, они, бесспорно, не лишены интереса и как источник для биографии Герцена и как материал для комментария к «Былому и думам».

Адресат писем, М. К. Рейхель, друг семьи Герцена, была особенно близка с Луизой Ивановной. Машенька Эрн, как она звалась до замужества, выросла в ее доме и та любила ее как родную дочь. От Машеньки у Луизы Ивановны не было тайн, письма к ней отличаются искренностью и откровенностью.

Письма датированы ноябрем 1850 — июлем 1851 гг. и написаны из Ниццы, где, после переезда туда Герцена (в июне 1850 г.), поселилась и его мать. Любовно и неторопливо отмечает она все, чему была свидетелем: горести и радости герценовской семьи, ее быт, уклад, интересы. Время написания писем — один из наиболее трудных и, вместе с тем, значительных периодов в жизни Герцена. Это — время окончательного отказа от возвращения в Россию и решения натурализоваться в Швейцарии; время все усиливающейся европейской реакции и преследований писателя; время выхода в свет одного из крупнейших его произведений — книги «О развитии революционных идей в России» и, наконец, время наибольшего обострения его семейной драмы. Все это находит некоторое отражение в публикуемых письмах.

Отдельные факты, сообщаемые Луизой Ивановной, известны из «Былого и дум». Все же и в ее изложении они не могут не привлечь внимания исследователей, являясь непосредственным откликом на события и в то же время пополняя сведения об этих событиях новыми данными. Интересны и встречающиеся в письмах указания на не дошедшую до нас переписку Герцена.

* Биографы Герцена очень мало, или совсем ничего не говорят о женщине, которая была матерью великого писателя. В этом отчасти повинен сам Герцен. Он не включил ее портрета в портретную галерею современников и близких, созданную в «Былом и думам», ограничившись на страницах своей книги лишь отдельными о ней упоминаниями. Не находим мы ее характеристики и в других автобиографических произведениях Герцена и в дневниковых его записях. За небольшим исключением, не сохранилась и переписка Герцена с Луизой Ивановной. Столь же бедна данными о ней и мемуарная литература. Это побудило нас собрать немногочисленные и разбросанные сведения о Л. И. Гааг в биографическую справку. Она помещается ниже, в приложении к настоящей публикации.

Публикуемые письма—ценный источник и для характеристики самой Луизы Ивановны, о которой до нас дошло, как мы уже сказали, мало сведений.

И сам Герцен, и все знавшие Луизу Ивановну говорят о ней как о женщине исключительной доброты и отзывчивости, пользовавшейся общей любовью и уважением окружающих. «Старушка Прово и вся дворня,— пишет Герцен в «Былом и думах»,—любили без памяти мою мать...» (XII, 27). «Луиза Ивановна, — вспоминает М. К. Рейхель, — была очень добрая женщина <...> Все люди в доме, тогда еще крепостные, любили ее и находили в ней заступницу («Отрывки из воспоминаний М. К. Рейхель и письма к ней А. И. Герцена». М., 1903, стр. 24—25; далее сокращенно: Р е й х е л ь). Т. П. Пассек отмечает «ко всем человеческое отношение и ласку» Луизы Ивановны (см. в настоящем томе, стр. 580) и называет ее «добросердечной до бесконечности» (Т. П. П а с с е к. Из дальних лет т. I, изд. 2-е, СПб., 1905, стр. 38; далее сокращенно: П а с с е к). Такой встает она и со страниц своих писем. «В них,— писала об этих письмах полвека спустя М. К. Рейхель Е. С. Некрасовой,— столько неподдельной привязанности, что, после стольких лет читая их, я всегда тронута» (14 января 1900 г.—ЛБ, Некр. 1/4, лл. 9 об. — 10).

Письма свидетельствуют о нерастраченном запасе душевных сил их автора. Луиза Ивановна исполнена интереса к жизни, ее волнуют происходящие политические события, судьбы людей; она восхищается природой, строит планы путешествий. Знакомясь с этими письмами, трудно себе представить, что за плечами писавшей тяжелая, безрадостно прожитая жизнь, рядом с человеком, при появлении которого, по словам Герцена, «улыбка пропадала с лица <...>, останавливалась речь» (XII, 82).

Луиза Ивановна была малообразованной женщиной, однако, как утверждает М. К. Рейхель, «она принимала живое участие в интересах сына и, если сама не получила образования, то многого наслушалась и многое читала, чтобы быть в состоянии понимать своего богато одаренного Александра» (Р е й х е л ь, стр. 15).

«Луиза Ивановна, — рассказывает также М. К. Рейхель,—хорошо говорила по-русски, хотя и не без ошибок» (там же, стр. 24). Все же писать она предпочитала на родном языке, и письма ее написаны по-немецки. Правда, Луиза Ивановна не твердо знала правила и своей отечественной грамматики и пунктуации. Это не мешало ей, тем не менее, легко и ясно выражать свою мысль.

Публикуемые письма адресованы в Париж, куда в октябре 1850 г. переехала из Ниццы М. К. Рейхель. Ответные письма М. К. Рейхель к Луизе Ивановне до нас не дошли.

Для настоящей публикации мы выбрали и перевели с немецкого лишь те места из писем, которые имеют непосредственное отношение к Герцену или представляют общий интерес.

* * *

Письма открываются сообщением о семейном событии — рождении младшей дочери Герцена, Ольги, и описанием жизни в Ницце, с поездками и прогулками по ее окрестностям. В этих прогулках принимает участие и Гервег, вместе с Луизой Ивановной приехавший в Ниццу (август 1850 г.). «Все быстро неслось к развязке. Ее задержало рождение Ольги,— писал об этих днях Герцен в рассказе о своей семейной драме («Былое и думы», ч. V—XIII, стр. 517). Что же касается Гервега, то он, очевидно, еще не успел тогда принять «вид Вертера в последней степени отчаяния», который, по словам Герцена, «он принял недели через две-три, после своего приезда» (там же).

Л. И. ГААГ

Портрет маслом И. З. Летунова, 1820-е гг.
Воспроизводится по негативу «пражской коллекции»
Центральный архив литературы и искусства, Москва

Ницца. 20 <ноября 1850 г.>

...Сегодня в три часа Natalie разрешилась прелестной дочкой, я только что от нее.

<Ницца.> 25 ноября <1850 г.>

...Мы совершенно не замечаем, как проходит время, о скуке и думать нечего. Обедаем мы чаще всего там <у Герценов>. В пятницу ходили все пешком на Вилла Франка, а домой вернулись морем <...> Гервег был в полном восторге, он все время пел. Погода у нас и по сей день прекрасная. Раньше именин Александра Natalie еще нельзя будет встать с постели; тогда все сразу и отпразднуем.

Но очень скоро в спокойном повествовании Луизы Ивановны начинают слышаться тревожные ноты. Рассказы о домашних развлечениях, об уроках танцев детей Герцена, о планах новых поездок прерываются сообщениями о головных болях и нездоровье Герцена, а отношения с Гервегами получают название надоевшей «старой истории».

Ницца. 3 декабря <1850 г.>

...Дети продолжают еще танцевать у меня. Вчера они в первый раз танцевали под музыку. И получается довольно хорошо <...> У Александра уже второй день сильная головная боль и целую неделю болят зубы.

<Ницца.> 5 декабря <1850 г.>

...Твое письмо застало нас всех у Natalie. Она в первый раз вышла в гостиную. Я пришла со всеми детьми, с учителем танцев и музыкой. Тата и Саша научились танцевать польку. Это доставило всем большое удовольствие. Никто об этом не знал. Natalie была просто счастлива, и как это у них красиво вышло.

Луиза Ивановна передает далее забавные словечки маленького Коли Герцена, над которыми «Гервег и Александр смеялись, как сумасшедшие».

<Ницца.> 10 декабря <1850 г.>

...Александр уже несколько дней нездоров, и к тому же у него так сильно болели зубы, что пришлось вчера вырвать еще один. Natalie и малютка совершенно здоровы. Natalie 7-го уже выходила на воздух <...> С Гервегами тянется все старая история, что мне очень надоело. Мы собираемся совершить поездку, т. е. я, Александр и Гервег. Мы живем действительно очень приятно, да и может ли быть иначе под таким чудесным небом?

<Ницца.> 13 декабря <1850 г.>

...Мне очень хочется попутешествовать с Гервегом недельку, другую. Если удастся, без Эммы.

В последних письмах 1850 г. Луиза Ивановна рассказывает о приготовлениях к елке и возмущении, высказанном Герценом по поводу большого количества подарков, которые должны были получить дети, что не лишено интереса для характеристики его взглядов на воспитание. Она упоминает знаменитую певицу Зонтаг (1805—1854), выступавшую в Петербурге и Москве в 1830—1837 гг., которую Герцен мог, следовательно, слышать не позднее первой половины 1834 г., т. е. до своего ареста и ссылки. В сообщении Луизы Ивановны о праздновании у нее сочельника упомянуты почти в полном составе те же лица, которые присутствовали у нее же и на встрече нового, 1851, года, описанной Герценом в «Былом и думах» (XIII, 518).

И. А. ЯКОВЛЕВ

Портрет маслом И. З. Летунова, 1820-е гг.

Воспроизводится по негативу «пражской коллекции»
Центральный архив литературы и искусства, Москва

⟨Ницца.⟩ 20 ⟨декабря 1850 г.⟩

Страшная непогода. Море доходит до половины улицы ⟨...⟩ Я устрою на новый год елку⟨...⟩ Александр просто вне себя, что дети получают так много игрушек ⟨...⟩

Мне очень интересно, понравится ли тебе г-жа Зонтаг. Я ее слышала, наверное, двадцать лет назад. Не может быть, чтобы голос у нее еще сохранился. Алекс⟨андр⟩ уверяет, что прошло наверное пятнадцать или шестнадцать лет с тех пор как она была в Москве, а я уверяю, что двадцать. Ведь все то время, что ты жила у нас, она не приезжала. Ты напишешь, понравилась ли она тебе. Нарядись хорошенько, ведь Рейхель еще не видел тебя нарядной.

⟨Ницца.⟩ 25 декабря ⟨1850 г.⟩

...Вечером в десять часов к нам пришли Александр, Саша, Гервег, Эмма, Горас, Фогт, и с нашего балкона был пущен фейерверк. Это доставило всем нам большое удовольствие.

Корреспонденции 1851 г. начинаются известием об отъезде Гервегов из Ниццы. Обстоятельства этого отъезда хорошо известны по «Былому и думам». Однако в сообщениях Луизы Ивановны встречаются подробности, которых в «Былом и думам» нет. Так, она рассказывает о письме Герцена, посланном в Геную по поводу гервеговских детей. Это письмо Герцена до нас не дошло. Затрагивает она и вопрос об отношении Н. А. Герцен к разрыву с Гервегом, но ограничивается лишь кратким и глухим упоминанием о реакции на случившееся «другой стороны». «Луиза Ивановна была добрая женщина, и отношение к Наталье Александровне было хорошее», — писала М. К. Рейхель 25/12 апреля 1902 г. Е. С. Некрасовой (ЛБ, Некр. 1/4, № 6).

Публикуемые письма позволяют несколько точнее, нежели это делалось до сих пор, обозначить дату отъезда Гервега. Лемке определяет ее так: «После 1 января 1851 г., на третий день после объяснения с женой» (XXII, 253). Теперь мы видим, что Гервег уехал не позднее 13 января, ибо 14 января, по словам Луизы Ивановны, Герцен уже писал ему в Геную.

⟨Ницца.⟩ 14 января 1851 г.

Милая Маша, хотя от тебя давно нет писем, я все же хочу тебе написать, так как тебе, конечно, приятно будет узнать кое-какие здешние новости. Александр словно из тюрьмы выпущен; он так рад, что сбросил обузу с плеч; а так ли это с *другой стороны*, об этом я не хочу *высказывать своего мнения*. Но я так счастлива, что наконец-то со всем покончено. Они в Генуе. И представь себе наше удивление, они прислали Гораса одного с попутным экипажем назад в Ниццу и написали, чтобы за ним, как и за Аддой, *присмотрели*, пока они не заберут обоих детей к себе. Представляешь себе такое бесстыдство! Все были этим возмущены; конечно, на такое никто, кроме Гервегов, не способен. Александр написал в Геную и запросил, куда ему отправить детей. Вот так-то обстоят дела. Фогт запакует все вещи и будет держать их наготове для отправки. Не могу и выразить, как я боюсь, чтобы они не вернулись. От этих людей можно всего ожидать. Когда дети уедут, я, может быть, переберусь туда ⟨в дом Сю⟩ ⟨...⟩

Жаннета не остается у Эммы, она здесь везде столько задолжала; если хочешь послушаться моего совета, не выполняй никаких поручений Эммы, она не сможет ничего оплатить; да и вообще может обойтись и без парижских вещей. Теперь она достигла, чего хотела, теперь ее *Георг* принадлежит ей *одной*, но я не желала бы быть на ее месте.

⟨Ницца.⟩ 15 января ⟨1851 г.⟩

...Никаких перемен. Из Генуи все еще нет ответа относительно детей. Вчера вечером и у меня был Фогт. Он считает вполне возможным, что, если у них не будет денег, они в конце концов вернутся; это меня тревожит. Наши собираются совершить поездку, и в их отсутствие я должна буду жить у них, но пока дети здесь, я не хочу переезжать. Гервеги могут узнать, что я живу там одна, и явиться. Что я тогда буду делать?

⟨Ницца.⟩ 16 января ⟨1851 г.⟩

Ничего нового не произошло, если не считать того, что Александр очень расстроен тем, что ничего не пишут о детях. Я раньше очень любила Эмму, но за ее отношение к собственным детям я ее презираю, Александр решил, если в течение недели ответ не будет получен, отправить детей в Берлин к ее отцу. Ужасно!

В письмах, датированных февралем 1851 г., Луиза Ивановна рассказывает о неосуществленном плане поездки Герцена в Испанию. Луиза Ивановна сообщает, что поездка в Испанию не состоялась из-за того, что Герцену необходимо было раньше получить где-нибудь новое гражданство, а оформление его натурализации в Швейцарии (Женевском кантоне) затягивалось. Луиза Ивановна упоминает о возникшей в связи с этим переписке Герцена с Фази. Эта переписка до сих пор не обнаружена. Объясняя, что побудило его решиться на натурализацию, Герцен писал: «Будущее было темно, печально... Я мог умереть, и мысль, что тот же краснющий консул ⟨русский консул в Ницце⟩ явится распоряжаться в доме, захватит бумаги, заставляла меня думать о получении где-нибудь прав гражданства» (XIII, 423). Тревогой о будущем, о семье было вызвано, очевидно, и составление Герценом, в том же феврале 1851 г., духовного завещания, о чем также рассказывает Луиза Ивановна. Герценово завещание 1851 г. неизвестно. Возможно, что оно было уничтожено по составлении более позднего завещания 1852 г.

В февральских письмах Луиза Ивановна неоднократно возвращается к гервеговской истории, высказывая опасение, как бы Гервеги не вернулись в Ниццу. «...Все носило следы бури (...). Праздные дни, ночи без сна... тоска... тоска», — писал Герцен вскоре после отъезда Гервега (XIII, 527). Луиза Ивановна не могла, разумеется, не замечать тяжелого душевного состояния сына. Она с грустью отмечает, что жизнь в Ницце утратила прежнюю прелесть. Впрочем, вскоре она уже сообщает своей корреспондентке, что Гервег полностью забыт, словно его никогда и не было. Между тем мы знаем, что Гервег не переставал тогда писать к Наталье Александровне и напоминать о себе. Это, очевидно, оставалось Луизе Ивановне неизвестным.

Упомянув о живших тогда в Ницце Головине и Карле Фогте, Луиза Ивановна высказывает неудовольствие по поводу двойственного, по ее мнению, поведения последнего в гервеговском деле. Однако, как известно, в дальнейшем Фогт всецело стал на сторону Герцена и порвал с Гервегом. Отмечает Луиза Ивановна и приезд в Ниццу Энгельсонов и начало знакомства с ними Герцена.

Указанное Луизой Ивановной письмо Герцена и Н. А. Герцен к М. К. Рейхель от начала февраля 1851 г. — неизвестно. Не дошла до нас и переписка Луизы Ивановны с Е. И. Герценом, о которой говорится в публикуемых письмах. Луиза Ивановна была в дружеских отношениях с Е. И. Герценом (см. в настоящем томе, стр. 416).

Софи — сестра Н. А. Герцен, Софья Александровна; П⟨расковья⟩ П⟨етровна⟩ — Медведева (см. о них там же, стр. 418).

1 февраля 1851 г. Ницца

...Ты, должно быть, уже знаешь, что поездка в Испанию откладывается, потому что нельзя уезжать, пока Александр не получит где-нибудь гражданства. Затем, нужно будет еще составить завещание. Ведь, если бы с Александром что-нибудь случилось, прежде чем он где-нибудь натурализовался, дети окажутся в опасности. Если бы с ним, упаси боже, что-нибудь произошло, тогда Natalie и детей, говорят, могут выслать в Россию. Надо сделать все возможное, чтобы от этого уберечься. Он еще раз написал Фази. Если тот не захочет ничего предпринять, то он <Александр> попробует устроиться здесь, но в Швейцарии было бы лучше. Все, что ты написала об Эмме, — будто она хочет вернуться, — я уже слышала, но я этому не верю — этого не может быть. Но я хорошо понимаю, что она окажется в ужасном положении. Тому, о чем рассказывает Фогт, я тоже верю. Эмма не раз уже хотела так поступить, ведь они совсем без денег. Но больше всего во всей этой истории жаль обоих детей. Я не совсем доверяю толстому Фогту: он так любит с каждым поговорить, каждому посочувствовать, словом, в этом отношении я не совсем им довольна.

У меня был длинный разговор с Александром по поводу Гервегов; он говорит, что никому не может запретить приехать в Ниццу, но что у него никто из членов семьи Гервегов больше бывать не будет. Но, как говорится, чем черт не шутит. И вот я ему сказала, что ежели Гервег опять поселится с ним в одном доме, я через несколько же дней уеду в Швейцарию. И я сдержу слово. Отсюда ты видишь, дорогая Маша, что и наша приятная, хорошая жизнь нарушена.

Ницца. 2 февраля 1851 г.

...Да, ты права, мы не можем жить на одном месте. Что касается меня, то я дала бы сейчас же согласие остаться здесь, в Италии <...> Мы бы устроили так, чтобы жить вместе; но до тех пор, пока Александр не получит ответа из Женевы, ни о чем нельзя говорить, но и ждать нельзя, надо что-то делать. Я всецело за то, чтоб навсегда остаться в Италии.

Ницца. 8 февраля <1851 г.>

...Четыре дня была страшная буря, а сейчас опять чудесный воздух, словно все ждало дождя, чтобы все освежилось и мы в том числе. Гервеги поселились в Генуе на четвертом этаже и, повидимому, надолго. От наших ты также должна была получить письмо. Дела все еще не закончены. Из Женевы ответа еще нет. Александр очень расстроен долгим молчанием. От Егора Ивановича попрежнему ничего нового. Что Софи при нем — это лучше, чем П<расковья> П<етровна>; я думаю, она лучше за ним присмотрит, чем чужие люди. Шпильманом мы очень довольны, Коля делает большие успехи во всем <...> Сказать тебе, что он, не слыша, лучше танцует чем Тата, — ты не поверишь.

Теперь я жду, чтобы Александр закончил свои дела и, если наши не уедут на некоторое время из Ниццы, мы съездим на несколько дней в Монако или <1 нрзб>. Александр нанял теперь весь дом Сю, все теперь уже отправлено, но я все еще не решаюсь переехать, хотя там было бы гораздо лучше. Жду, когда все образуется, и тогда посмотрю, как поступить. Оленька с каждым днем растет и хорошеет. <...> Прямо красавица.

Ницца. 12 февраля <1851 г.>

...Дела Александра все еще не закончены. Я думаю, из поездки в Испанию ничего не выйдет; более вероятна поездка на короткий срок в Лондон на большую выставку. Но все это одни предположения. Ах, как здесь хорошо, и с каждым днем становится все лучше, какой воздух, какое

небо! Приезжай, мы будем ездить по окрестностям, все тебя приглашают. А если наши уедут в Лондон, как хорошо было бы остаться здесь вместе с тобой <...>

О Гервегах ничего не слышно; да и вообще они полностью забыты, словно он здесь никогда и не был. Мельгуновы все еще во Флоренции; им там так понравилось, что он не хочет оттуда уезжать. Я тоже хочу повидать Флоренцию и непременно съезжу туда.

ДОМ № 25 НА ТВЕРСКОМ БУЛЬВАРЕ В МОСКВЕ. В ЭТОМ ДОМЕ, ПРИНАДЛЕЖАВШЕМ А. А. ЯКОВЛЕВУ, РОДИЛСЯ ГЕРЦЕН

Фотография, 1940-е гг.

Литературный музей, Москва

<Ницца.> 18 февраля <1851 г.>

...Дела Александра еще не закончены. На этой неделе завещание, вероятно, еще не будет готово. Потом ему, может быть, придется поехать в Швейцарию. Я пришлю тебе письмо для Егора Ивановича, которое ты ему перешли; может быть, он напишет тебе.

Эмма живет в Женеве в Hôtel Tudor. Туда и надо ей писать; советую никаких ее поручений не исполнять.

<Ницца.> 23 <февраля 1851 г.>

...Что тебе вздумалось посылать меня в Лондон? Я ведь тебе несколько раз писала, что обещала остаться с детьми и что переберусь в дом Сю. Вчера наконец кончили с завещанием, — оно готово и будет храниться здесь. Теперь остается кончить с другим делом. Из Женевы пришло еще письмо, но опять не то, чего хотели. Можно и в Фрейбурге все устроить. Александр собирается поехать в Швейцарию, надо же во что бы то ни стало довести дело до конца <...> Перешли письмо к Егору Ивановичу. Ты, конечно, понимаешь, что я не собираюсь к нему ехать. Александру хочется только знать, не испугает ли его мой приезд. А Natalie на самом деле очень беспокоится о своей матери; ведь она же просила тебя узнать о деньгах. Ты наверное забыла.

Вчера мы присутствовали на одном из самых больших soirées, какие только бывают в Ницце. Его устраивали поляки в пользу бедных поляков. Вход стоил 10 фр. Была музыка, пение. Было полно народу и вся публика — в самых нарядных туалетах. Мы были все. Были мы также на одном из лучших здешних концертов, но тоже неважном. На гору ездили все. Со мной ехал Головин, а с Александром г-н и г-жа *Энгельсон*. Я забыла тебе сказать, что мы познакомились с ними. Он сидел двенадцать месяцев в Петербургской крепости. Теперь приехал сюда поправить здоровье. Чуть было не забыла, Головин женится на польке.

28 февраля 1851 г. Ницца

...Ты можешь быть уверена, что все принимают в тебе самое горячее участие, прошу тебя этому верить. Александр не может забыть последнего дня, когда бы ты была еще здесь. У тебя здесь одни друзья, и все тебя ждут (...)

Вот то-то ты обрадуешься, когда увидишь, какие он <Коля> сделал успехи. Могу сказать, что это самая большая моя радость.

В письмах, относящихся к марту 1851 г., Луиза Ивановна, наряду с обычными рассказами о повседневной жизни герценовской семьи, отмечает ухудшение общеполитической обстановки. Основываясь на каком-то газетном известии о казнях революционеров, она высказывает опасение, что среди казненных был и Бакунин. Другья Бакунина действительно имели основания опасаться за его жизнь. Именно тогда, в марте 1851 г., он был переведен в Ольмюцские казематы, где содержался прикованным к стене, и был предан австрийскому военному суду. Луиза Ивановна должна была лично знать Бакунина; известно, что в ноябре 1850 г. Герцен посылал ему от ее имени деньги в тюрьму (V, 296). Луиза Ивановна сообщает также о новой волне преследований эмигрантов в Швейцарии. Усиление реакции заставляло Луизу Ивановну волноваться за судьбу Герцена.

В конце марта 1851 г. Герцен получил, наконец, швейцарское гражданство. Как известно, он был принят в члены общины Шатель, Фрейбургского кантона. Указывая на более благоприятный, чем в Женеве, ход дела в Фрейбурге, Луиза Ивановна весьма нелестно отзывается о Фази («свинье в Женеве»), как о виновнике женевской неудачи. Она сообщает попутно о намерении Герцена «посетить свою новую родину». Словами, исполненными большой горечи, отражающей, несомненно, и чувства самого Герцена, говорит Луиза Ивановна о вынужденном его разрыве с его настоящей родиной.

В письме от 17 марта Луиза Ивановна упоминает о «книге, которая привлекла большое внимание». Речь идет, очевидно, о каком-то произведении Герцена, но что именно имела в виду Луиза Ивановна не поддается точному определению. Это могло быть «С того берега», первое издание которого появилось у Гофмана и Кампе в Гамбурге в 1850 г. на немецком языке. В конце 1850 г. в журнале Колачека («*Deutsche Monatschrift für Politik, Wissenschaft, Kunst und Leben*», Bremen) был помещен пространный отзыв об этой книге. Слова Луизы Ивановны могли относиться и к труду Герцена «О развитии революционных идей в России», впервые печатавшемуся тогда (и тоже на немецком языке) в упомянутом журнале Колачека (январский, февральский, мартовский и майский выпуски журнала). В письме от 17 марта Луиза Ивановна сообщает также о получении от Мельгунова экземпляра «Кто виноват?». Это, очевидно, немецкое издание повести, вышедшее в свет Брокгаузом в переводе Вольфсона в серии «Избранной библиотеки иностранных классиков» («*Ausgewählte Bibliothek der Klassiker des Auslandes, Russlands Novel-*

lendichter. Uebertragen und mit biographisch-kritischen Einleitungen begleitet von Wilhelm Wolfsohn. Dritter Teil». Alexander Herzen «Wer hat schuld?». Leipzig, 1851).

В тех же мартовских письмах Луиза Ивановна вновь говорит о Гервегах, о Фогте, о Головине. О последнем она пишет, что он «очень несчастен». «После Парижа, — рассказывает в «Былом и думах» Герцен, — мы встретились с Головиным» сначала в Женеве, потом в Ницце <...> Ему решительно нечем было жить, несмотря на тогдашнюю баснословную дешевизну в Ницце» (XIV, 350).

Что касается художника, делавшего в Ницце портреты Н. А. Герцен, Коли и самой Луизы Ивановны, о котором рассказывается в письмах, — ни его имя, ни портреты, им исполненные, неизвестны (ср. в наст. томе, стр. 766).

Письмо Герцена к М. К. Рейхель от начала марта 1851 г., о котором упоминает Луиза Ивановна (в письме от 14 марта), до нас не дошло.

6 марта <1851 г.>. Ницца

...1-го марта все горы были покрыты снегом, и все же я часто стою на балконе и смотрю, как страшно бушует море. Теперь у твоем Коле. Головин просто в него влюблен. Он просил у меня разрешения повести его в одно большое общество, там хотели его видеть, он действительно все хорошеет и хорошеет <...> Вчера у нас был большой вечер, у нас обедал весь дом Сю, господин и г-жа Энгельсон, Головин и Фогт, так что почти уже негде было сесть, и Коля был душой общества. Представляешь себе гордость Шпильмана! Александр несколько раз ставил Колю в пример Саше и Тате. Ты понимаешь, что это не совсем приятно. По правде говоря, нужно было бы, чтобы при Тате кто-нибудь был, но об этом не хотят и думать. <...> С его <Головина> женитьбой все идет довольно медленно.

<Ницца.> 11 марта <1851 г.>

...Уже несколько дней дождь, но все-таки очень хорошо. Деревья словно оживают <...>

Я, может, и съездила бы на неделю в Геную, если бы их <Гервегов> там уже не было. Я бы не хотела опять с ними встретиться, хотя вражды к ним у меня и нет <...>

В доме Сю все здоровы. Головин сказал мне вчера, что они с Александром тебе напишут, по поводу его <Головина> дел.

14 марта 1851 г. Ницца

...Так как Александр уже написал тебе все новости, мне опять нечего тебе сказать, разве только, что у нас страшный ветер и все мы совсем разболелись. Александр зовет *меня одну* ехать с ним в Париж; стоит ли мне приезжать к тебе без Коли?

Что Гервег хочет переехать в Цюрих, Фогт рассказывал уже четыре недели тому назад, но они все еще в Генуе. А что Эмма поедет в Париж, этому я не верю. Ведь ей же нельзя туда ехать. <Она была выслана из Парижа>. Да и зачем бы ей туда? Я думаю также, что она и не сможет выехать из Генуи. За малым дело — за деньгами.

<Ницца.> 16 марта <1851 г.>

...Ты будешь любить своего ребенка так же, как Колю, и я буду его любить, я хочу быть ему бабушкой, как Коле <...> Затем пришел Головин, он очень несчастен, он предложил себя в качестве учителя к Саше <...> он будет давать уроки и Луизе <...>

Здесь так хорошо, что и сказать не могу, все уже зазеленело; в Риме все гораздо позднее. Не верь тому, что пишут из дома Сю; правда, несколько дней был ветер, один раз даже снег, но какая же это зима? Я купила на 35 фр. дров и все еще их не сожгла. Я пишу тебе, а все открыто, на небе ни облачка, а какой воздух! Внизу поет соловей, а у нас на балконе канарейка, и все так тихо, спокойно <...> Вот когда только и начинаешь понимать, что такое Италия <...>

В газетах опять страшное известие о троих повешенных; среди них, вероятно, и бедняжка Бакунин, а судя по тому, как обстоят повсюду дела, этому можно верить. Так страшно за всех.

17 марта 1851 г. Ницца

Чудесно, божественно хорошо!

<...> С отъездом обитателей дома Сю ничего еще не выяснилось. Natalie не очень хочется уезжать отсюда. Она права, ведь прекраснее условий она для детей нигде не сумеет найти. К тому же Фогт останется здесь на год для Саши. Александр должен, наконец, принять решение, где же ему обосноваться. Я за Италию. Но поезду в любое место, где бы они ни поселились. Книга привлекла большое внимание. Теперь ждут, что придет из Турина.

Представь себе, здесь уже в течение двух месяцев довольно хорошая итальянская опера, так что мы все один, а то и два раза в неделю ходим в театр <...> Энгельсоны <...> очень любезные люди. Мне кажется *нашим* без них было бы *скучно*. Мельгунов все еще во Флоренции; он был так добр, что прислал мне «Кто виноват?», — очень мило с его стороны.

Ницца. 21 <марта 1851 г.>

...Дела здесь довольно плохи, все время нужно быть готовым к отъезду, но куда? У меня в голове есть план, но сумею ли его осуществить, это вопрос. Позднее сообщу свой план. Если будет возможно, Венеция должна также войти в него <...> Из Генуи ничего нет.

Теперь снова преследуют несчастных людей в Швейцарии. Когда же кончатся страшные времена. От Natalie <прилагаю> письмо. Когда ты опять будешь писать, пошли его. Мы все ждем ответа от Егора Ивановича.

<Ницца.> 25 <марта 1851 г.>

...Сегодня божественно; вообрази, цветет *виноград*. Ах, я просто не могу себе представить, что, может быть, придется навсегда покинуть Италию, так как думаю, что вскоре нашим уже нельзя будет дольше оставаться здесь. Дети так поздоровели. Как-то им будет в *суровой Англии*, да и мне самой, ведь я не могу жить одна. Если бы я могла не покидать Италии, но это невозможно <...> у Natalie тоже нет большой охоты расставаться с Италией. Климат для всех очень хорош. Саша здоров <...> Ты, может быть, увидишь Александра раньше, чем воображаешь. Я не уеду отсюда, не повидав Венеции; затем поеду на Lago di Como, через Сен-Готар, — таковы мои планы <...> Я уже не вернусь в любимую Италию. Если не здесь, то мне все равно, где жить. Да, дорогая, очень грустно, что обстановка становится все хуже и хуже. Вполне возможно, что *всем нам* еще придется ехать в Америку! Это значит в Южную Америку, куда нас соблазняет ехать Фогт; я думаю, так оно и будет.

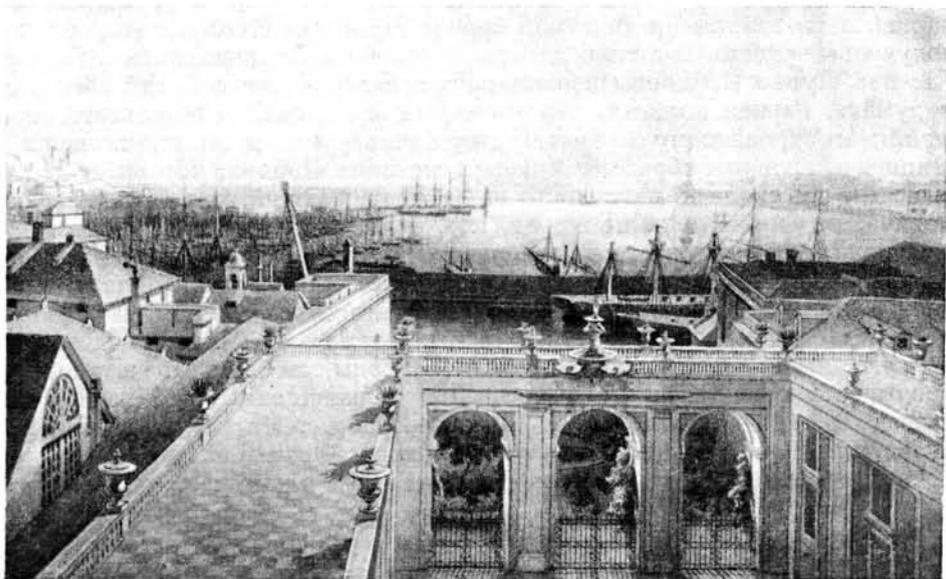
<Ницца.> 26 марта <1851 г.>

...Александр хочет поехать *один* на месяц на свою новую родину. Ты ведь тоже никогда не думала, что *муж* у тебя будет *немец*. Ты ведь тоже не хотела *отказаться* от своей родины. Почему же в жизни всегда все складывается не так, как мы хотим! <...> Привет Энгельсону. Скажи ему, что его жена чувствует себя вполне хорошо. Это очень приятная особа.

⟨Ницца.⟩ 29 марта ⟨1851 г.⟩

...Дела Александра в Фрейбурге идут, повидимому, лучше, чем у *свињи* в Женеве, но ему, вероятно, придется самому туда съездить. Он рассчитывает поехать вдвоем с Natalie и на некоторое время задержаться в Турине. Но я все еще не могу этому поверить. Во всяком случае, июль и август я проведу в доме Сю.

Мы с Колей были сегодня у Natalie, когда она купала Оленьку; и сказать не могу, что за чудесный ребенок, толстая, как шар ⟨...⟩ Ах, какая у нас сейчас роскошь ⟨...⟩ Ты всегда говорила, что я не люблю жить на одном месте; здесь в Италии хотела бы надолго остаться, я не

НИЦЦА. ВИД НА МОРЕ

Фотография 1857 г.

Исторический музей, Москва

хочу и думать об отъезде. Из моих планов, наверное, ничего не получится ⟨...⟩, так как теперь не знаешь, где завтра очутишься. Мы слышали ⟨...⟩, что здесь можно спокойно оставаться, ни о какой высылке тут и не помышляют. Правительство ведет себя вполне терпимо; если бы и у вас так было. Мне очень хотелось бы знать, сможет ли Александр приехать к вам.

К ним сюда приезжал художник, о котором с полным правом можно сказать, что он завладел всей Ниццей. Natalie он дважды писал, но не совсем удачно. Лузин портрет очень хорош ⟨...⟩ Natalie уговорила меня сделать и мой портрет, который вышел лучше всех. Достаточно было час посидеть. После меня сидел Коля. Я хотела сделать портрет для тебя, но он вышел не так уж хорошо; все же мы привезем его, когда приедем к тебе. Из Генуи ничего не слышно.

Писем Луизы Ивановны за апрель и май сохранилось немного. В них сообщается о планах поездок Герцена в Турин и Париж. Поездка в Париж ставилась, видимо, в зависимость от ответа М. К. Рейхель, которой было поручено выяснить, можно ли будет Герцену посетить столицу Франции.

В письме от 8 апреля рассказывается о праздновании «25 числа», т. е. дня рождения Герцена, который приходился на 25 марта старого или 6 апреля нового стиля. О том же сообщает М. К. Рейхель и племянница Луизы Ивановны, также Луиза, жившая тогда в Ницце. «В день рождения Александра,— пишет Луиза,— мы прослулись, разбуженные очень приятной музыкой,— это был знак внимания Рокка (повара Герцена), который решил доставить Александру, а потом и нам неожиданное музыкальное удовольствие» (7 апреля 1851 г. Подлинник на немецком языке; хранится вместе с письмами Луизы Ивановны в деле № 267 «пражской коллекции», л. 82—82 об.).

В письме, начатом 31 мая и законченном 1 июня, Луиза Ивановна извещает М. К. Рейхель о намеченном на 1 июня отъезде Герцена в Швейцарию, о внезапном предписании срочно покинуть Ниццу, которое было получено Герценом в тот же день, и о решении Герцена ехать в Париж. Рассказ Луизы Ивановны перекликается с описанием событий в «Былом и думах». Герцен полагал, что высылка последовала в результате обращения к сардинскому правительству некоторых русских, живших в Ницце, и, главным образом, министра юстиции Панина, который «не мог вынести, что человек, навлекший на себя высочайший гнев Николая Павловича, не только покойно живет (...), но еще пишет статейки, зная, что государь император этого не жалует» (XIII, 438, 439). Луиза Ивановна дает несколько иное объяснение причин высылки Герцена. Она утверждает, что он был выслан «из-за книг, напечатанных в Ницце». Некоторые произведения Герцена, действительно, печатались в Ницце; в частности, ко времени написания письма Луизы Ивановны там было отпечатано первое отдельное издание книги «О развитии революционных идей в России», вышедшее, как известно, на французском языке. На титуле книги значится, что она выпущена книгоиздательством Франка в Париже, но отпечатана в типографии братьев Кани <Canis> в Ницце.

<Ницца.> 3 апреля <1851 г.>

...Александр ждет от тебя хороших вестей. Но если даже они не будут соответствовать его желанию, они <Герцен и Н. А.> все же решили ехать в Турин. Возможно, что Александру придется поехать в Фрейбург <...>.

На днях тут были приезжие из Генуи. Они навезли новостей о Гервегах: те каждый день *ссорятся*, и Гервега *принимают там за полоумного*. Какой-то англичанин, который жил в одной гостинице с ними, рассказывал, будто Гервег собирается в Египет, а Эмма с детьми в Америку. Они, должно быть, в ужасном положении. Конечно, тут без *атласных башмачков* никак не обойтись. Нет, она не вызывает во мне никакого сочувствия. Его мне гораздо больше жаль. И бедных детей. Адада погибнет. Как все скоро кончилось с Гервегами.

<Ницца.> 8 апреля <1851 г.>

25-е число мы очень хорошо отпраздновали; обедали у меня,— были Фогт и Головин. Саша, со своим фейерверком, нас чуть было не сжег <...> ты знаешь, что я обещала переехать в дом Сю, и это должно совершиться на нынешней неделе. Александр с Natalie и Татой собираются в ближайшие дни в Турин, оттуда, может быть, в Фрейбург, а если он <Герцен> поедет в Париж, то и она тоже, так что вполне возможно, что ты увидишь их раньше, чем нас.

Ницца. 31 мая — 1 июня 1851

Александр намерен поехать сперва в Швейцарию. Он уезжает завтра, 1 июня, вместе с Энгельсоном. Его <Энгельсона> жена остается с

Natalie <...> Я приеду с Александром, потому что Natalie остается еще на зиму в Ницце. Все здесь так хорошо себя чувствуют, что, конечно, было бы неблагоразумно уезжать. Только что приходил прощаться Энгельсон, но я не поверю <в их отъезд>, пока не увижу их в дилижансе <...>

Конец получился неожиданный (?) и неприятный. Александра высылают из-за книг, которые были здесь напечатаны. Он должен выехать в 48 часов. Он не поедет в Швейцарию, а прямо в Париж. Ты очень скоро его увидишь <...> Со стороны местного правительства это достаточно подло. Теперь действительно нельзя быть уверенным в завтрашнем дне. Я не раз говорила, что с книгами наживешь неприятностей — вот мы их и нажили.

Четыре следующих письма относятся ко времени пребывания Герцена в Париже, с 8 по 25 июня 1851 г., и поездки его в Фрейбург в конце того же месяца.

Луиза Ивановна передает в этих письмах поклоны Герцену, часто посещавшему М. К. Рейхель в Париже, сама же ему не пишет, считая, что и без того у него будет «много, что читать, а потом, — добродушно добавляет она, — я же знаю, что он этих писем не читает». Чем вызвано это замечание Луизы Ивановны, непонятно, так как Герцен в своей переписке того времени с женой и детьми не забывает посылать матери приветы, хочет писать ей «особо», собирается праздновать ее именины (VI, 188 и 420). В письме от 13 июня Луиза Ивановна просит М. К. Рейхель дать Герцену прочесть письмо Коли и сохранить это письмо. В бумагах «пражской коллекции» оно не обнаружено.

Упомянутое Луизой Ивановной (13 июня) письмо Герцена из Парижа — это письмо его к жене и старшему сыну от 9 июня 1851 г. (VI, 186—188).

Ницца. 7 июня <1851 г.>

Когда ты получишь это письмо, ты уже многое о нас услышишь от Александра. Теперь ты будешь получать не так много писем, потому что будешь знать от Александра все, что у нас делается. Он обещал часто у тебя бывать. Все планы путешествий, конечно, повисли в воздухе; то же будет и с теми, о которых тебе будет говорить Александр <...> Очень любопытно знать, сможет ли Александр остаться в Париже. Теперь для всех было бы хорошо опять поселиться там. Но у меня на этот счет не очень большие надежды <...> Если бы мы могли только себе представить, что Александр так скоро попадет в Париж, мы бы все с ним прислали. Передай от меня Александру поклон, а от Коли поцелуй. Я не пишу, у него и без моих писем будет много что читать, а потом я же знаю, что он этих писем не читает.

13 <июня 1851 г.>. Ницца

...Вчера мы получили от Александра письма из Парижа, которые нас очень порадовали известиями о тебе <...> Александр находит, что ты очень изменилась. Ваша квартира ему очень понравилась. Но о Париже он ничего приятного не сообщил; все там, повидимому, очень дорого <...> Дай Александру прочесть колено письмо и сохрани его, он так хорошо его написал и совершенно самостоятельно.

Ницца. 23 июня <1851 г.>

...Меня радует, что у тебя есть теперь приятное развлечение — прогулки с Александром <...> Вы не можете себе представить, милые, как мы были поражены вчера, когда вдруг пришел Фогт и сказал, что приехала Эмма, да еще *по распоряжению* Гервега. Это очень неприятно. Что

касается меня, то я ее не приму, если у нее хватит бесстыдства прийти, а этого можно ожидать. Я думаю, что Фогт будет играть роль примирителя, — очень похоже на это.

30 июня <1851 г.> Ницца

...Вчера в 2 часа приехал сюда Энгельсон; от его болезни не осталось и следа <...>. Теперь буду ждать, как устроятся дела Александра в Турине, и тогда начну думать об отъезде. Он хочет быть в Турине 10-го, а 20-го, если ему будет позволено, — приехать в Ниццу. Я бы не хотела, чтобы он застал еще там <в Турине> суматошного Головина. Мы опять получили от него глупое письмо.

Могу сообщить тебе новость: 26-го прибыл сюда из Каира Хоецкий. Он много рассказывал нам о Египте. Он стал совсем черным. Он очень жалеет, что Александр не может здесь остаться. Сам он, повидимому, совсем без денег. Бернадский, наверное, удивится его приезду. О г-же Эмме мы ничего не слышим. Фогт передал ей, что я не хочу ее видеть, она этого не ожидала. А к Natalie она не осмелится прийти.

Два последних письма Луизы Ивановны, сохранившихся в «пражской коллекции», помечены 9 и 13 июля. Оба они рассказывают о пребывании Герцена в Турине, вместе с женою, выехавшей туда к нему навстречу. Свиданию в Турине, которое Герцен называл своим «вторым венчанием» с Натальей Александровной, посвящены замечательные страницы «Былого и дум», и эпизод этот хорошо известен. Но от Луизы Ивановны внутренняя, полная глубокого драматизма сторона события осталась скрытой. В ее представлении, поездка Натальи Александровны в Турин была вызвана желанием доставить Герцену «приятную неожиданность».

Все же письма вносят некоторые фактические уточнения в рассказанное в «Былом и думах». Герцен говорит, что свидание в Турине произошло «ночью с 7-го на 8 июля». По свидетельству же Луизы Ивановны, свидание это состоялось в ночь с 9-го на 10 июля. Это, видимо, и соответствует истине, так как те же даты указывает и Н. А. Герцен. 7 июля она писала мужу: «Вчера получила твое письмо, где ты пишешь, что не прежде 10-го будешь в Турине; я отложила тоже ехать до завтра...» (VI, 422). Путь от Ниццы до Турина занимал тогда два дня, таким образом, Наталья Александровна должна была быть на месте ночью 9 июля. Не совпадают и часы туринаской встречи, обозначенные Герценом и Луизой Ивановной. Герцен пишет, что почтовая карета, с которой приехала его жена, приходила в Турин во втором часу ночи. Луиза Ивановна утверждает, что Наталья Александровна приехала в Турин в 11 часов вечера. Указанные сведения Луиза Ивановна почерпнула из писем сына и невестки. О получении этих писем она извещает М. К. Рейхель 13 июля. Письма не сохранились.

<Ницца.> 9 июля 1851 г.

...Твое письмо от 5-го числа я получила после отъезда Natalie; она уехала в Турин, чтобы доставить приятную неожиданность Александру, так как он будет 10-го в Турине. Теперь мы полны ожидания, можно ли будет Александру приехать в Ниццу. Если же ему нельзя будет приехать, я поеду проститься с ним, но мой отъезд не отменяется.

<Ницца.> 13 <июля 1851 г.>

...Только что получила от Александра и Natalie письма из Турина. Оба приедут дня через два. Александр может жить, где захочет. Дети ведут себя хорошо. Портреты я закажу, когда художник приедет из Генуи.

Александр приехал 9-го в полдень. Natalie — тоже 9-го, в 11 часов ночи. Оба очень довольны. Мы с нетерпением ждем их. Представь себе, Эмма каждый день бегаёт мимо нас. Надо будет запретить Саше здоровать-

ЛУИЗА ИВАНОВНА ГААГ

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Из «Былого и дум» и воспоминаний Т. П. Пассек мы знаем, что Иван Алексеевич Яковлев, отец Герцена, познакомился с его матерью в бытность свою в Западной Европе. Возвращаясь в конце 1811 г. в Москву, он взял ее с собой и тайно перевез через границу (переодетой в мужской костюм). Ни точная дата ее рождения, ни социальное положение ее родителей до недавнего времени не были известны. Герцен мимоходом говорит, что его матери в 1812 году было 17 лет, и нигде не упоминает о своем деде и бабке с материнской стороны. Пассек сообщает, что Луиза Ивановна была немкой по происхождению и родилась в Штутгарте от «небогатых родителей» (П а с с е к, стр. 38). Опубликованная в 1937 г. на немецком языке справка о матери Герцена, оставшаяся вне поля зрения советских исследователей, вносит ясность в вопрос о ее возрасте и происхождении (R. T g a u f m a n n, Alexander Herzens Mutter.— «Zeitschrift für slavische Philologie», 1937, Bd. XIV, Hf. 1/2, SS. 29—30). Сведения, содержащиеся в справке, подтверждаются выпиской из метрического свидетельства Луизы Ивановны, собственноручно сделанной Герценом в письме к Гервергу от 21 декабря 1849 г. (см. «Лит. наследство», т. 64, подготавливается к печати).

Луиза Ивановна действительно родилась в Штутгарте, по данным немецких источников — 27 января, а по данным метрической выписки, повидимому более точным, — 27 июня 1795 г. (ср. письмо Герцена к сыну от 25 июня 1851 г.—VI, 420). Отец ее Готтлоб-Фридрих Гааг (? — 1805) в справке назван делопроизводителем, а в метрической выписке — секретарем казенной палаты (Rentkammer). Если верить немецким источникам, матерью ее была дочь штутгартского ремесленника, Вильгельмина-Регина Эрпф (1772—1818), а по метрической выписке — некая Вильгельмина Эрпфин. Кроме Луизы, в семье было еще двое детей: Готтлоб-Вильгельм (1799—?) и Маргарита (1797—?). Мы видим, таким образом, что Луиза Ивановна была дочерью мелкого чиновника, рано осиротела, была моложе И. А. Яковлева почти на тридцать лет, а к моменту рождения сына (25 марта 1812 г.) ей не исполнилось и семнадцати лет.

Пассек говорит, что «жизнь ее <Луизы> в родительском доме была несчастливой», чему легко поверить, зная теперь, что еще ребенком она осталась старшей в семье скромного служащего, лишившейся отца.

В приведенных документах она значится под двойным именем — Генриетта-Луиза. Пассек, а за нею все позднейшие биографы и комментаторы Герцена называют ее, повидимому ошибочно, тройным именем: Генриетта-Вильгельмина-Луиза. В России же ее стали звать просто Луизой, прибавив к этому, по русскому обычаю, отчество — Ивановна (как считает Пассек, по имени Ивана Алексеевича Яковлева).

Итак, совсем юной Луиза Гааг очутилась в чужой стране, среди незнакомых людей, в необычных условиях. Начиналась война. Хорошо известен рассказ Герцена (им открываются «Былое и думы») о том, как И. А. Яковлев, запоздавший выехать из Москвы, был задержан французами, как он отправился с поручением Наполеона в Петербург, отослав семью в свое ярославское имение.

Не успев еще осмотреться и приспособиться к непривычной обстановке, Луиза Ивановна попала в глухую русскую деревню. Маленький сын, его кормилица, старик П. И. Голохвастов (дядя Герцена), вскоре умерший, составляли все ее общество. «Можно себе представить, — пишет Герцен, — положение моей матери <...> среди <...> полудиких людей с бородами, одетых в нагольные тулупы, говорящих на совершенно незнакомом языке, в небольшой закоптелой избе и все это в ноябре месяце страшной зимы 1812 года... Ее единственная опора был Голохвастов; она дни, ночи плакала после его смерти» (ХII, 17).

Проведя тревожный военный год в деревне, Луиза Ивановна вместе с И. А. Яковлевым, спустя некоторое время присоединившимся к семье, возвратилась в Москву.

Здесь и прошла почти вся ее жизнь, представлявшая собой длинный ряд унылых, монотонных, прозаических лет, сменивших краткие годы юности, отмеченные, как мы видели, волнениями и романтикой.

В «Былом и думах» Герцен не касается непосредственно отношений своих родителей. Он лишь глухо упоминает о «домашних сценах», возникавших иногда между

КОЛЯ ГЕРЦЕН

Дагерротип, 1850—1851 гг.

«Пражская коллекция»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

ними и добавляет, что его мать, «действительно, имела много неприятностей» и была «совершенно подавлена моим отцом» (XII, 27). Однако образ отца, замкнутого, язвительного, всех и вся презирающего человека, порядки и нравы, царившие в его доме, так ярко изображены Герценом, что позволяют угадывать истину о невеселой участи Луизы Ивановны. Более определенно высказываются об этом мемуаристы. «Луиза Ивановна,— вспоминает М. К. Рейхель,— жила в большой зависимости и вследствие исключительного своего положения не могла иметь знакомых. А если какие и были, она могла только изредка посещать их, у себя же принимать не могла, потому что старик этого не жаловал» (Рейхель, стр. 14). Даже поездки за город или в театр и другие маленькие развлечения, которые изредка разрешала себе Луиза Ивановна,

надо было обставлять тайной от Ивана Алексеевича, принимать для этого особые меры предосторожности. «Тихо протекла лучшая пора ее жизни,— шепчет Пассек,— в мелких домашних заботах, в чтении книг немецких авторов, попечение о Саше и о постоянно больном и капризном старике» (П а с с е к, I, 79). Рейхель упоминает о сценах между родителями Герцена, во время которых Луизе Ивановне приходилось выслушивать «тяжелые вещи». «У нее,— говорит мемуаристка,— не всегда хватало такту смолчать, что раздражало старика. А когда он бывал раздражен, он забывал всякую умеренность» (Р е й х е л ь, стр. 25). Известный рассказ Пассек свидетельствует, до каких пределов доходил в своей «забывчивости» Иван Алексеевич, позволявший себе в злые минуты издеваться над ложным положением Луизы Ивановны, называть ее «барышней со своим сыном».

Впрочем, не следует слишком сгущать краски, как это делают некоторые биографы Герцена, склонные рассматривать отношения Ивана Алексеевича к Луизе Ивановне как пустую «барскую прихоть». Правда, он не решился на брак с ней. Но можно ли, тем не менее, считать «прихотью» отношения к женщине, с которой до конца своей жизни, т. е. свыше 35 лет, он не расставался и которая все это время была единственной хозяйкой в его доме. Несмотря на обиды, насмешки, оскорбления, которые он не раз ей наносил, он все же, вероятно, по-своему ее любил, так как «сердце старика,— говорит Герцен,— было больше открыто любви и даже нежности, нежели я думал» (XII, 82).

Как бы то ни было, он проявил о ней заботу, завещав ей, наравне с сыновьями, свое по тому времени очень большое состояние.

Крайне преувеличенным представляется нам и сказанное о Луизе Ивановне А. Я. Панаевой. «Мать Герцена,— пишет она,— была предобродушная женщина <...>, но забитая так, что не имела никакого значения в семье. Я даже нашла, что с ней обходились слишком пренебрежительно и не давали ей промолвить слово» (А. Я. Панаева - Головачева. Воспоминания. М., 1948, стр. 145). Панаева познакомилась с Луизой Ивановной в 1845 г. у Герцена, в Москве. Рассказ ее можно, следовательно, понять как осуждение самого Герцена за несправедливое отношение к матери. Публикуемые выше письма Луизы Ивановны служат лучшим опровержением сказанного Панаевой. В них звучит голос независимого, а отнюдь не угнетенного человека; упоминания же о Герцене, занимающие такое большое место в этих письмах, говорят о привязанности Луизы Ивановны к сыну и его семье, а вовсе не о забитом, униженном положении ее в этой семье.

В «Былом и думах» Герцен рассказывает о нездоровой обстановке, в которой он рос, окруженный чрезмерной заботливостью отца, вечно боявшегося болезней и простуды. «Все это,— пишет Герцен,— должно было сделать из меня хилого и изнеженного ребенка, если бы я не наследовал от моей матери непреодолимого здоровья. Она, с своей стороны, вовсе не делила этих предрассудков и на своей половине позволяла мне все то, что запрещалось на половине моего отца» (XII, 42). Но разумное начало, о котором говорит Герцен, Луиза Ивановна вносила не только в физическое воспитание сына. От Пассек мы узнаем, что в противоположность Ивану Алексеевичу и остальным домашним, «на все руки баловавшим маленького Сашу», Луиза Ивановна была к нему требовательна и не поощряла его капризов. На чуткого от природы ребенка не могли не оказать влияния доброта и гуманность матери, остававшейся отзывчивой и справедливой, несмотря «на эгоистическую, полную деспотизма среду» (П а с с е к, I, 78), в которой они жили. Герцен рано узнал о «ложном» положении матери. Он понял, что забота о нем, Герцене, и заставляла ее мириться с этим положением, сносить обиды и притеснения, и страдал за нее. «...Мысль, что доля всего выносится за меня,— пишет он,— заволакивала иной раз темным и тяжелым облаком светлую детскую фантазию» (XII, 28). В рассказе, на который мы ссылались, Пассек описывает, как юноша Герцен страстно вступился за мать и в ответ на оскорбительные слова («барышня со своим сыном»), брошенные Иваном Алексеевичем по ее адресу, грозит тотчас же вместе с нею покинуть отцовский дом. Пассек утверждает, что это заставило старика, «если не совсем прекратить, то значительно умерить свои выходки» (П а с с е к, II, 57).

Но Герцена привязывало к матери, конечно, не одно чувство жалости. Любящая и ласковая, веселая и жизнерадостная, несмотря на все невзгоды, она должна была особо привлекать к себе мальчика, тяготившегося суровой атмосферой яковлевского дома. В воспоминаниях детства мать возникает перед Герценом в привлекательном женственном облике — «женщина, прелестная собой», так называет он ее в автобиографическом отрывке «Это было 22 октября 1817 г.», описывающем эпизод из его раннего детства (изд. АН, I, 1954, стр. 138). По свидетельству Пассек и других лиц, знавших Луизу Ивановну молодой, она действительно была красива.

НИЦЦА. ПОРТ

Фотография 1857 г.

Исторический музей, Москва

Близость с матерью Герцен сохраняет и в годы студенчества и в последующие годы. В рассказах Пассек мы часто видим Луизу Ивановну в кругу герценовских друзей.

Очень большую поддержку нашел Герцен в матери в период своей вятской и владимирской ссылки. Луиза Ивановна чутко и отзывчиво отнеслась к любви сына к Н. А. Захарьиной и взяла на себя роль посредницы в их переписке (в чем ей оказывал помощь брат Герцена Егор Иванович — см. в наст. томе, стр. 419). В течение трех лет она неизменно исполняла эту роль, рискуя навлечь на себя большие неприятности, так как и Иван Алексеевич и родные Натальи Александровны были, как известно, против этого брака Герцена. Около трехсот писем доставила Луиза Ивановна обоим корреспондентам, не только облегчив этим сыну разлуку с невестой, но и способствуя созданию замечательного эпистолярного памятника — «Переписки Герцена с Н. А. Захарьиной» (Собр. соч. А. И. Герцена, т. VII. СПб., изд. Павленкова, 1905).

Упоминания о Луизе Ивановне, рассеянные в «Переписке», рисуют ее в постоянных думах и беспокойствах о сыне. Они говорят о ее любви к нему, о преследованиях, которые она терпит за покровительство его женьтибе. «Вся ее жизнь в тебе», — пишет Герцену Наталья Александровна («Переписка», 154). И в другом месте: «Мне ужасно больно, что маменьке столько неприятностей через нас» (там же, стр. 429). Лаской и заботой окружила Луиза Ивановна и свою будущую невестку, которая не переставала отмечать «внимание и попечение о ней... милой, доброй, несравненной маменьки». «Переписка» лучше других источников позволяет судить об отношении Герцена

к матери. Перечисляя самое ценное, чем он готов был пожертвовать ради любви к Наталье Александровне, Герцен называет и свою привязанность к матери («Переписка», стр. 438). Впоследствии семья с ее заботами, литературная и общественная деятельность, приобретающая с каждым годом все больший размах, не позволяли уже матери играть в жизни Герцена такую роль, какую она играла раньше. Однако она попрежнему остается ему близкой. И после женитьбы Герцена они редко расстаются, и если живут не под одной крышей, то большей частью рядом или по близости. Луиза Ивановна и теперь старается быть ему полезной. Она помогает растить и воспитывать его детей, и младший сын Герцена, Коля, был всецело доверен ей.

«Слабая натура», «женщина чрезвычайно добрая, но без твердой воли» — так отзывался о своей матери Герцен. Однако факты из жизни Луизы Ивановны показывают, что в отдельных случаях она все же умела быть достаточно настойчивой. Только благодаря ее вмешательству, например, нелюбимый старший сын Яковлева (не от Луизы Ивановны), Егор Иванович, стал получать такое же содержание, как и Герцен, в чем отец долго и решительно ему отказывал (Пассек, т. II, стр. 55—56). По свидетельству М. К. Рейхель, Луиза Ивановна часто, и не без успеха, выступала ходатаем перед Иваном Алексеевичем за дворовых людей. Мы видели, какую решимость она проявила в годы ссылки Герцена, передавая его письма и оберегая его невесту. Мы указывали, что доброта была основной чертой характера Луизы Ивановны. Эта доброта и помогала ей, вероятно, преодолевать отмеченную Герценом слабость воли. И там, где, как в приведенных примерах, люди ждали от Луизы Ивановны помощи, у нее оказывались и нужные для этого душевные силы.

Похоронив в мае 1846 г. Ивана Алексеевича, Луиза Ивановна вместе с Герценом и его семьей в январе 1847 г. уехала за границу. Почувствовав себя свободной после стольких лет подневольной жизни, она как бы стремилась наверстать потерянные годы. Мы видим ее то в Париже, то в Вюртемберге у родных, то путешествующей по Швейцарии, Англии и Италии. Страстная любительница природы, она, невзирая на свой уже почтенный возраст, совершает восхождения на вершины гор, дальние прогулки. Пережитое не сломило ее природной бодрости и жизнерадостности. «Обыкновенно веселая и добродушная» — такими эпитетами сопровождает Н. А. Тучкова-Огарева свое упоминание о Луизе Ивановне, с которой она встречалась в 1847—1848 гг. за границей (Н. А. Тучкова-Огарева. Воспоминания. Л., 1929, стр. 69). Попрежнему общительная, она заводит новые знакомства. Круг ее заграничных знакомых составляют преимущественно политические эмигранты. «В Цюрихе, в 1849 г., — рассказывает М. К. Рейхель, жившая в то время вместе с Луизой Ивановной, — мы принимали многих *refugiés* <изгнанных>» (Рейхель, стр. 59). Некоторым из них Луиза Ивановна оказывала и материальную поддержку. В письме из Парижа к С. Л. Поленовой от 24 июня 1849 г., попавшем в перлюстрацию, С. Л. Левицкий писал: «Я не думаю, что Луиза Ивановна сбережет до старости свой капитал. У нее, кажется, открытый кредит всем коммунистам и баррикадистам с целой Европы» (V, 261). Русский посланник в Штутгарте в секретной депеше от 17 октября 1850 г. со своей стороны сообщал, что, по сведениям вюртембергского правительства, Луиза Ивановна «посвятила себя служению политическим беглецам <...> и употребляет свое состояние на покровительство их революционным проискам» (XIV, 14). В Вюртемберге (Луиза Ивановна до конца жизни оставалась вюртембергской подданной) исчисляли сумму выданных ею денег на революционные нужды в 60—70 тысяч флоринов. Левицкий, враждебно настроенный против Герцена, в приведенном выше письме утверждал, что Луиза Ивановна оказывала помощь эмигрантам «не из политических видов», а просто «от глухой доброты», выполняя указания Герцена. Разумеется, Луиза Ивановна не слишком хорошо разбиралась в политике, и все же надо думать, что ею руководило не только чувство сострадания к преследуемым людям, но и симпатия к их делу, являвшемуся одновременно и делом ее сына, а последнему она была безгранично предана. И здесь она оказывала ему, в чем могла, свою поддержку.

Луиза Ивановна ссужала Герцена деньгами, необходимыми ему для революционных и литературных целей. Так, 24 тысячи франков для внесения залога за прудоновскую газету «*Voix du Peuple*» были взяты Герценом заимообразно у матери (см.

письмо к Гервегу от 20 августа 1849 г.— «Лит. наследство», т. 64, готовится к печати). В те годы Герцен, как известно, очень много тратил на помощь эмигрантам. Из конспиративных соображений он делал это иногда от имени матери. Мы уже указывали, например, что в ноябре 1850 г. он посылал через нее деньги Бакунину, находившемуся в тюрьме (V, 296). В период полицейских преследований, которым подвергался за границей Герцен, она хранила его сочинения и бумаги. М. К. Рейхель рассказывает, как летом 1849 г. в Париже, во время обыска, произведенного на квартире у Луизы Ивановны, вскоре после отъезда Герцена в Швейцарию, они спасли оставленные им рукописи, привязав их себе под платье. «Бумаги Герцена,— пишет Рейхель,— мы с Луизой Ивановной долго носили на себе» (Рейхель, стр. 65).

Правительство Николая I, информированное о связях Луизы Ивановны с эмигрантами, пыталось помешать ее деятельности, распространив запрет, наложенный на имущество Герцена, и на ее капиталы, оставшиеся в России. Эпизод этот описан в «Былом и думах». Мы знаем, что Герцену удалось после упорной борьбы спасти состояние матери. Любопытные подробности, освещающие перипетии борьбы за средства Луизы Ивановны, встречаются также в письмах к ней Герцена (1849—1850 гг.), обнаруженных среди переписки его с Гервегом (см. «Лит. наследство», т. 64, готовится к печати). Там же публикуется и письмо Герцена к Луизе Ивановне (1847 г.), хранящееся в «пражской коллекции» (оп. 1, ед. хр. 273, л. 54).

Ко времени написания публикуемых выше писем инцидент с запретом, наложенным на состояние Луизы Ивановны, причинивший ей и Герцену немало беспокойства, был уже позади.

Но недолго суждено было Луизе Ивановне жить свободной, независимой жизнью. Обстоятельства ее трагической гибели хорошо известны и по «Былому и думах» и по другим источникам. Она утонула, как указано выше, 16 ноября 1851 г. при кораблекрушении у Гьерских островов на пути между Марселем и Ниццей, возвращаясь из Парижа с Колей и его воспитателем Шпильманом. Оба они утонули вместе с ней. До последней минуты Луиза Ивановна оставалась верной себе. Забыв о собственной участи, она думала только о внуке, и, уже уносимая волнами, все еще призывала спасти его.

Смерть матери глубоко потрясла Герцена. Вскоре после гьерской катастрофы, подводя итог печальной жизни Луизы Ивановны, он писал: «Свирепость судьбы против маменьки ужасна, невыразима. Едва полтора года пожила она» (Герцен имеет в виду последние полтора года за границей, после получения средств, задержанных царским правительством), — письмо к М. К. Рейхель 31 декабря 1851 г. («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 307). Он хотел увековечить ее самоотверженное, мужественное поведение перед лицом смерти: «Я мечтаю о статуе, о группе Шпильмана с Колей на руках и внизу утопающая женщина, последнее слово которой: „Спасите дитя!“» (там же, стр. 308).

Мы уже говорили, что Герцен не дал в «Былом и думах» портрета своей матери. Не раскрыл он и причин, побудивших его воздержаться от развернутой ее характеристики. Не находим мы объяснения этого и в литературе о Герцене. Таким образом, все, что можно сказать по данному поводу, не выходит за пределы самых общих предположений. Зная биографию Луизы Ивановны и свидетельства о ней современников, нельзя допустить мысли, что Герцена останавливали какие-то факты из ее жизни, или какие-то ее индивидуальные черты, которых он не хотел касаться, щадя близкого человека, как это имело место в отношении брата Егора Ивановича (см. в настоящем томе, стр. 418 и 428).

Более правдоподобным кажется нам, что им руководили мотивы творческого порядка. Великий художник-реалист, Герцен и в своей мемуарной прозе стремился к созданию типических характеров и широких обобщений, что определялось глубоким знанием отображаемой действительности. Между тем среда, из которой вышла Луиза Ивановна, и условия, в которых она выросла, были ему незнакомы. Случайно перенесенная на русскую почву Луиза Ивановна так и осталась здесь одинокой фигурой, не характерной для тех явлений русской жизни, которые он хотел изобразить и запечатлел на громадном полотне «Былого и дум».